

Г а н н а Ш е в ч е н к о

П Е С Н И В И Н Н И - П У Х А

• • •

Погоды дикие крепчали,
морозы щелкали с утра,
осадки, белые вначале,
темнели в сумерках двора.

Невеста нежно-голубая,
расправив душу, как фату,
прошла, руками разгребая
деревья, снег и темноту.

Проснувшись, сбросив одеяло,
на быстрой лошади верхом,
я ускользала и боялась
ей оказаться женихом.

И мне, летящему ковбою,
щегол известие принес,
что некрасиво быть собою
среди заснеженных берез.

• • •

С зеркальной наледью на лицах,
с апломбом чеховских героев,
идут по утренней столице
Петров, Козловский и Бероев.

Они явились из Бразилии, из диких зарослей Гояса,
и всю Москву преобразили, стволы гирляндами
украсив.

Подсветками рекламу вытказ,
они пришли, как печенег,
менять собянинскую плитку
на евушенковские снеги.

Припорошенные Козловским, стоят технические
вузы,
преображенные Петровым, плывут по Дмитровке
медузы.

Но мне милее всех Бероев —
он мишурой своей навеки
украсил здание сырое
у входа в зал библиотеки.

• • •

Скачут тучи, будто кони,
дождь водой о землю бьет —
на дряхлеющем балконе
дышит сыростью белье.

Как очки мартышка крепко
на приплюснутом носу,
деревянная прищепка
держит ситец на весу.

И трепещет, словно надо
что-то важное сказать, —
город в искрах листопада
осень празднует опять.

Старомодные рубашки
бьются крыльями в окно —
на балконе двухэтажки
время кончилось давно.

Этот мир — всего лишь слепок
домового воробья
в куче сломанных прищепок
и советского белья.

• • •

Пришла весна, как говорится,
и где-то лето поспекает,
я выхожу — на ветке птица
сидит и солнце воспекает —
о, эти взорванные почки,
о, эти лютики-цветочки,
ах, эта муха-цокотуха!

А я иду по тротуару,
мурлычу песню Винни-Пуха:

Привет играющим в кальмара!
Ведь я одна из тех ненужных,
из неприметных, бесполезных,
что проживают на планете,
как утверждают глобалисты,
настало время избавляться
от непотребного балласта.

Под птицею качнулась ветка,
и, как уже писалось выше,
сегодня ценность человека
не больше стоимости мыши.

О, эти взорванные почки,
ах, эти лютики-цветочки.

